

Повседневная жизнь женщины на Руси в X-XV вв.

Выполнил:
студент 1 курса
ОП «Магистратура»
специальность «История»
Дукин Алексей

Введение

Древнерусское общество - типично мужская, патриархальная цивилизация, в которой женщины занимают подчиненное положение и подвергаются постоянному угнетению и притеснению. В Европе трудно найти страну, где избиение жены мужем считалось бы нормальным явлением и сами женщины видели бы в этом доказательство супружеской любви. В России же это подтверждается не только свидетельствами иностранцев, но и исследованиями русских этнографов.

В то же время русские женщины всегда играли заметную роль не только в семейной, но и в политической и культурной жизни Древней Руси. Достаточно вспомнить великую княгиню Ольгу, дочерей Ярослава Мудрого, одна из которых - Анна прославилась в качестве французской королевы, жену Василия I, великую княгиню Московскую Софью Витовтовну, новгородскую посадницу Марфу Борецкую, возглавившую борьбу Новгорода против Москвы, царевну Софью, целую череду императриц XVIII века, княгиню Дашкову и других. В русских сказках присутствуют не только образы воинственных амазонок, но и беспрецедентный, по европейским стандартам, образ Василисы Премудрой.

Княгиня Ольга

Анна Ярославовна

Софья Витовтовна

Марфа Борецкая

Положение женщины в Древней Руси

Женщины редко упоминаются в летописных источниках. Например, в "Повести временных лет" сообщений, связанных с представительницами прекрасного пола, в пять раз меньше, чем "мужских". Женщины рассматриваются летописцем преимущественно как предикат мужчины (впрочем, как и дети). Именно поэтому на Руси до замужества девицу часто называли по отцу, но не в виде отчества, а в притяжательной форме: Володимеряя, а после вступления в брак - по мужу (в такой же, как и в первом случае посессивной, владельческой форме; ср. оборот: мужняя жена, т.е. принадлежащая мужу).

Едва ли не единственным исключением из правила стало упоминание жены князя Игоря Новгород-Северского в "Слове о полку Игореве" - Ярославна. Кстати, это послужило А.А. Зимину одним из аргументов для обоснования поздней датировки "Слова". Весьма красноречиво говорит о положении женщины в семье цитата из "мирских притч", приведенная Даниилом Заточником (XII в.):

"Ни птица во птицах сычь; ни в зверез зверь еж; ни рыба в рыбах рак; ни скот в скотех коза; ни холоп в холопех, хто у холопа работает; ни муж в мужех, кто жены слушает".

Деспотические порядки, получившие широкое распространение в древнерусском обществе, не обошли стороной и семью. Глава семейства, муж, был холопом по отношению к государю, но государем в собственном доме. Все домочадцы, не говоря уже о слугах и холопах в прямом смысле слова, находились в его полном подчинении. Прежде всего это относилось к женской половине дома. Считается, что в древней Руси до замужества девушка из родовитой семьи, как правило, не имела права выходить за пределы родительской усадьбы. Мужа ей подыскивали родители, и до свадьбы она его обычно не видела.

После свадьбы ее новым "хозяином" становился супруг, а иногда (в частности, в случае его малолетства - такое случалось часто) и тесть. Выходить за пределы нового дома, не исключая посещения церкви, женщина могла лишь с разрешения мужа. Только под его контролем и с его разрешения она могла с кем-либо знакомиться, вести разговоры с посторонними, причем содержание этих разговоров также контролировалось. Даже у себя дома женщина не имела права тайно от мужа есть или пить, дарить кому бы то ни было подарки либо получать их.

В российских крестьянских семьях доля женского труда всегда была необычайно велика. Часто женщине приходилось браться даже за соху. При этом особенно широко использовался труд невесток, чье положение в семье было особенно тяжелым.

В обязанности супруга и отца входило "поучение" домашних, состоявшее в систематических побоях, которым должны были подвергаться дети и жена. Считалось, что человек, не бьющий жену, "дом свой не строит" и "о своей душе не радеет", и будет "погублен" и "в сем веке и в будущем". Лишь в XVI в. общество попыталось как-то защитить женщину, ограничить произвол мужа. Так, "Домострой" советовал бить жену "не перед людьми, наедине поучить" и "никако же не гневаться" при этом. Рекомендовалось "по всяку вину" (из-за мелочей) "ни по виденью не бите, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить, никаким железным или деревянным не бить".

Такие "ограничения" приходилось вводить хотя бы в рекомендательном порядке, поскольку в обыденной жизни, видимо, мужья не особенно стеснялись в средствах при "объяснении" с женами. Недаром тут же пояснялось, что у тех, кто "с сердца или с кручины так бьет, много притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и перст, и главоболие, и зубная болезнь, а у беременных жен (значит били и их!) и детем повреждение бывает в утробе".

Вот почему давался совет избивать жену не за каждую, а лишь за серьезную провинность, и не чем и как попало, а "соймя рубашка, плеткою вежливенько (бережно!) побить, за руки держа".

В то же время следует отметить, что в домонгольской Руси женщина обладала целым рядом прав. Она могла стать наследницей имущества отца (до выхода замуж). Самые высокие штрафы платились виновными в "пошибании" (изнасиловании) и оскорблении женщин "срамными словами". Рабыня, жившая с господином, как жена, становилась свободной после смерти господина. Появление подобных правовых норм в древнерусском законодательстве свидетельствовало о широкой распространенности подобных случаев. Существование у влиятельных лиц целых гаремов фиксируется не только в дохристианской Руси (например, у Владимира Святославича), но и в гораздо более позднее время. Так, по свидетельству одного англичанина, кто-то из приближенных царя Алексея Михайловича отравил свою жену, поскольку она высказывала недовольство по поводу того, что ее супруг содержит дома множество любовниц. Вместе с тем в некоторых случаях женщина, видимо, и сама могла стать настоящим деспотом в семье. Трудно, конечно, сказать, что повлияло на взгляды авторов и редакторов популярных в Древней Руси "Моления" и "Слова", приписываемых Даниилу Заточнику, - детские впечатления об отношениях между отцом и матерью либо собственный горький семейный опыт, однако в этих произведениях женщина вовсе не выглядит столь беззащитной и неполноправной, как может представиться из вышеизложенного. Послушаем, что говорит Даниил.

"Или речеши, княже: женися у богатого тестя; ту неи, и ту яжь. Лутче бо ми трясцею болети; трясца бо, потрясчи, отпустит, а зла жена и до смерти сушит... Блуд во блудех, кто поимет злу жену прибытка дея или тестя дея богата. То лутше бы ми вол видети в дому своем, нежели жену злообразну... Лутше бы ми железо варити, нежели со злою женою быти. Жена бо злообразна подобна перечесу (расчесанному месту): сюда свербит, сюда болит".

Брак и семейные отношения

В средневековом обществе особую ценность имело "удручение плоти". Христианство напрямую связывает идею плоти с идеей греха. Развитие "антителесной" концепции, встречающейся уже у апостолов, идет по пути "дьяволизации" тела как вместилища пороков, источника греха.

Параллельно с этим в официально-религиозных установках шло всемерное возвеличивание «телесной чистоты». Однако сохранение девушкой "чистоты" до брака, видимо, первоначально ценилось лишь верхушкой общества. Среди "простецов", по многочисленным свидетельствам источников, на добрачные половые связи на Руси смотрели снисходительно. В частности, вплоть до XVII в. общество вполне терпимо относилось к посещению девицами весенне-летних "игрищ", предоставлявших возможность до- и внебрачных контактов:

"Егда бо придет самый этот праздник, мало не весь град возьметса в бубны и в сопели... И всякими неподобными играми сотонинскими плесканием и плесанием. Женам же и девкам - главан накивание и устам их неприязнен клич, всескверные песни, хрептом их вихляние, ногам их скакание и топтание. Тут есть мужем и отроком великое падение ни женское и девичье шатание. Тако же и женам мужатым беззаконное осквернение тут же..."

Естественно, участие девушек в подобных "игрищах" приводило - и, видимо, нередко - к "растлению чистоты". Тем не менее даже по церковным законам это не могло служить препятствием для вступления в брак (исключение составляли только браки с представителями княжеской семьи и священниками). В деревне же добрачные сексуальные контакты как юношей, так и девушек считались едва ли не нормой.

Специалисты отмечают, что древнерусское общество признавало за девушкой право свободного выбора партнера. Об этом говорит не только длительное сохранение в христианской Руси обычая заключения брака "уводом", путем похищения невесты по предварительному сговору с ней. Церковное право даже предусматривало ответственность родителей, запретивших девушке выходить замуж по ее выбору, если та "что створить над собою". Косвенно о праве свободного выбора девушек свидетельствуют довольно суровые наказания насильников. "Растливший девку осильем" должен был жениться на ней. В случае отказа виновник отлучался от церкви или наказывался четырехлетним постом. Наконец, церковь предписывала продолжать считать изнасилованную девицей (правда, при условии, если она оказывала сопротивление насильнику и кричала, но не было никого, кто мог бы прийти на помощь). Рабыня, изнасилованная хозяином, получала полную свободу вместе со своими детьми.

Основой новой, христианской морали явился отказ от наслаждений и телесных радостей. Самой большой жертвой новой этики стал брак, хоть и воспринимавшийся как меньшее зло, чем распутство, но все же отмеченный печатью греховности.

В Древней Руси единственный смысл и оправдание интимной жизни виделся в продолжении рода. Все остальные формы, которые преследовали иные цели, не связанные с деторождением, считались не только безнравственными, но и противоестественными. В "Вопрощании Кириковом" (XII в.) они оценивались "акы содомьский грех". Установка на воздержание и умеренности подкреплялась религиозно-этическими доводами о греховности и изменности "плотской жизни". Христианская мораль осуждала не только похоть, но и индивидуальную любовь, так как она якобы мешала выполнению обязанностей благочестия. Однако пропасть между предписаниями церкви и повседневной житейской практикой была очень велика.

Согласно "Вопрощанию", супругам вменялось в обязанность избегать всяких контактов во время постов. Тем не менее это ограничение, видимо, достаточно часто нарушалось.

Холостых "на Велик день (на Пасху), съхраншим чисто великое говение", разрешалось причащать несмотря на то, что те "иногда съгрешали". Правда, прежде следовало выяснить, с кем "съгрешали". Считалось, что блуд с "мужьскою женою" есть большее зло, чем с незамужней женщиной. Предусматривалась возможность прощения за подобного рода прегрешения. При этом нормы поведения для мужчин были мягче, чем для женщин. Провинившемуся чаще всего грозило лишь соответствующее внушение, в то время как на женщину накладывались довольно суровые наказания. Запреты, установленные для женщин, могли и вовсе не распространяться на представителей сильного пола.

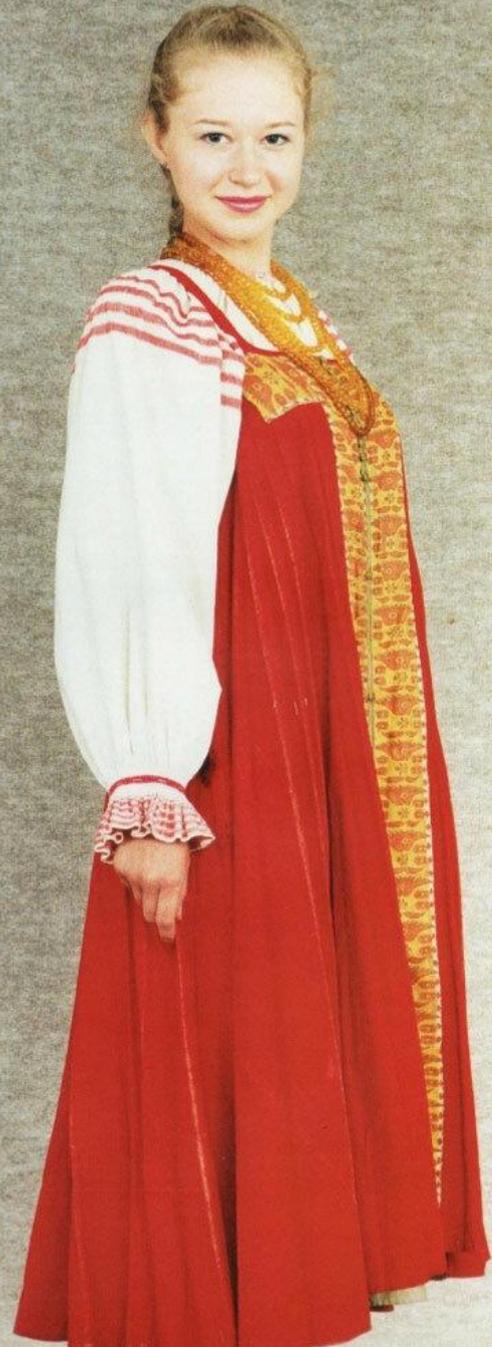
Супругам, кроме того, предписывалось избегать сожителства в воскресные дни, а также по средам, пятницам и субботам, перед причащением и сразу после него, так как "в сии дни духовная жертва приносится Господу". Вспомним также, что родителям возбранялось зачатие ребенка в воскресенье, субботу и пятницу. За нарушение данного запрета родителям полагалась епитимья "две лета". Такие запреты опирались на апокрифическую литературу (в частности на так называемые "Заповедь святых отцов" и "Худые номоканунцы"), поэтому многие священники не считали их обязательными.

Интересно, что женщина представлялась большим злом, чем дьявол, поскольку влечение и связанные с ними последствия объявлялись нечистыми и недостойными сана священника или человека вообще.

Стоит обратить внимание на то, что обязательный брак, установленный православной церковью для белого духовенства, в бытовом отношении сближал священника с его паствой. И быт женатого священнослужителя *"выдвигал в сущности те же вопросы, которые затем приходилось решать попу применительно к своим детям"* .

Русский народный женский КОСТЮМ

Женская одежда состояла из длинной рубашки с рукавами. Поверх неё надевали сарафан, обычно шерстяной, а в южных областях носили клетчатую домотканую юбку-понёву, голову покрывали платком. Девушки могли ходить с открытой головой. Они, как правило, заплетали одну косу и украшали голову плотной лентой, обручем или венцом. Сверху, если было нужно, надевали платок. Замужняя женщина не имела права появляться при посторонних с открытой головой. Это считалось неприличным. Волосы у неё были заплетены в две косы, а на голову надевали богато украшенный твёрдый кокошник или особую мягкую шапочку – рогатую кичку, затем платок. В будни вместо парадного кокошника обычно надевали скромный повойник. Открытым у замужних женщин оставались лишь лицо да кисти рук.

Одежду в крестьянской семье всегда делали женщины. Они обрабатывали лён, этот чудесный северный шёлк, пряли из него тонкие мягкие нитки. Долгой и трудной была обработка льна, но под сильными и ловкими руками крестьянок лён превращался и в белоснежные ткани и в суровые холсты, и в прекрасные кружева. Эти же руки шили одежду, красили нитки, вышивали праздничные наряды. Чем трудолюбивее была женщина, тем тоньше и белее были рубашки у всей семьи, тем замысловатее и красивее были на них узоры.

Обучение всем женским работам начиналось с раннего детства. Маленькие девочки с шести-семи лет уже помогали взрослым в поле сушить лён, а зимой пробовали прясть из него нити. Для этого им давали специально сделанные детские веретёна и прялки. Подрастала девочка и с двенадцати-тринадцати лет начинала сама готовить себе приданое. Она пряла нитки и сама ткала холст, который хранили к свадьбе. Затем она шила себе и будущему мужу рубашки и необходимое бельё, вышивала эти вещи, вкладывая в работу всё своё умение, всю душу. Самыми серьёзными вещами для девушки считались свадебные рубашки для будущего жениха и для себя. Мужскую рубашку украшали вышивкой по всему низу, делали неширокую вышивку по вороту, а иногда и на груди. Долгие месяцы девушка готовила эту рубашку. По её работе люди судили, какая из неё будет жена и хозяйка, какая работница.

После свадьбы, по обычаю, только жена должна была шить и стирать рубашки мужа, если не хотела, чтобы другая женщина отобрала у неё его любовь.

Женская свадебная рубашка тоже была богато украшена вышивкой на рукавах, на плечах. Руки крестьянки – от них зависело благополучие семьи. Они всё умели делать, никогда не знали отдыха, они защищали слабого, были добрыми и ласковыми ко всем родным и близким. Поэтому их следовало украсить красиво вышитыми рукавами в первую очередь, чтобы люди сразу замечали их, проникались к ним особым уважением, понимая особую роль рук в жизни женщины-труженицы.

Прясть и вышивать было принято в часы, свободные ото всех других работ. Обычно девушки собирались вместе в какой-нибудь избе и садились за работу. Сюда же приходили парни. Часто они приносили с собой балалайку и получался своеобразный молодёжный вечер. Девушки работали и пели песни, частушки, рассказывали сказки или просто вели оживлённый разговор.

Вышивка на крестьянской одежде не только украшала её и радовала окружающих прелестью узоров, но и должна была защитить того, кто носил эту одежду, от беды, от злого человека. Отдельные элементы вышивки носили символическое значение. Вышила женщина ёлочки – значит, желает она человеку благополучной и счастливой жизни, потому что ель – это древо жизни и добра. Жизнь человека постоянно связана с водой. Поэтому к воде нужно относиться с уважением. С ней нужно дружить. И женщина вышивает на одежде волнообразные линии, располагая их в строго установленном порядке, как бы призывая водную стихию никогда не приносить несчастья любимому человеку, помогать ему и беречь его.

Родился у крестьянки ребёнок. И его первую простую рубашечку она украсит вышивкой в виде прямой линии яркого, радостного цвета. Это прямая и светлая дорога, по которой должен идти её ребёнок. Пусть эта дорога будет для него счастливой и радостной. Вышивка на одежде, её символические узоры связывали человека с окружающим его миром природы, добрым и злым, хорошо знакомым и всегда новым для него. "Язык" этих символов был понятен людям, они чувствовали его поэтичность и красоту.

Особую роль в русском костюме всегда играли пояски. Маленькая девочка, впервые севшая за ткацкий станок, начинала своё обучение ткачеству именно с пояска. Тканые разноцветные и рисунчатые пояски носили в основном мужчины, завязывая их спереди или чуть сбоку. Каждая невеста должна была обязательно вы ткать и подарить жениху такой поясок. Завязанный узлом, он становился символом нерушимой связи между мужем и женой, их благополучной жизни. Поясок невесты обовьётся вокруг тела жениха, сохранит его тепло, защитит от злого человека, считали люди. Кроме того, невеста дарила свои пояски всей многочисленной родне будущего мужа. Ведь она входила в новую семью, и с этими людьми ей тоже нужно было установить добрые и прочные отношения. Так пусть её яркие пояски украсят одежду новой родни, защитят от несчастья.

